

и начали охоту на республиканцев и на присягнувших конституции священников. Именно охоту, с трубачом, который трубил в рог, когда завидит зверя, и давал сигнал, когда начать травлю. Охоту и истребление, во время которого врагов, взятых живьем, подвергали самым зверским пыткам, убивая их понемногу и отказываясь прикончить или же отдавая их на пытку женщинам, с их ножницами, и даже детям, чтобы еще более продлить мучения. Все это делалось под руководством священников, рассказывавших крестьянам про всякие вымышленные чудеса, чтобы вызвать также и истребление жен республиканцев. Дворяне со своими дамами-амазонками пристали к движению только позже. И когда эти «честные люди» назначили свой трибунал, чтобы судить республиканцев раньше, чем их казнить, их суд в шесть недель предал смерти 542 патриота¹.

Против этого дикого восстания Конвент мог выставить только 2 тыс. человек, рассеянных по всей Нижней Вандее, от Нанта до Рошели. Лишь в конце мая на места прибыли первые организованные силы республики. До того Конвент мог бороться против восстания одними декретами, предписывая смертную казнь и конфискацию имущества для дворян и для священников, которые не выедут из Вандеи в течение восьми дней! Но где же была сила, чтобы приводить в исполнение эти декреты?

Дела шли не лучше и в восточной Франции, где армия под начальством Кюстина отступала перед австрийцами. В Бельгии же Дюмуре открыто восстал против Конвента 12 марта 1793 г. Он послал Конвенту письмо из Лувена, упрекая Францию в том, что она присоединила Бельгию и хотела ее разорить, введя ассигнации и продажу национальных имущества. Шесть дней позже он атаковал австрийцев при Неервинде, дал себя разбить ими, а 22 марта с согласия герцога Шартрского (сына герцога Орлеанского) и орлеанистских генералов он уже вступил в прямые переговоры с австрийским полковником Маком. Изменники-генералы обязывались очистить Голландию без сражения и *идти на Париж*, восстанавливая там конституционную монархию. В случае надобности их обязывались поддерживать австрийцы, которые должны были занять в виде гарантии одну из пограничных крепостей Конде.

Дантон, ставя на карту свою голову, бросился в Бельгию, надеясь помешать этой измене. Он звал с собой двух жирондистов - Жансонне, друга Дюмуре, и Гюаде, чтобы уговорить изменника Дюмуре и вернуть его республике; но, когда ему не удалось убедить их ехать с ним, он поехал 16 марта один, рискуя, что его самого обвинят в измене. Дантон нашел Дюмуре в полном отступлении после Неервинде и понял, что его измена бесповоротна; действительно, он уже обязался перед Маком очистить Голландию.

Ужас распространился в Париже, когда Дантон вернулся 29 марта и с его приездом стало доподлинно известно, что Дюмуре изменил. Армия, которая одна только могла остановить иностранное вторжение, быть может, уже шла на Париж, против парижан.

Тогда сформировавшийся в эти дни в Париже Комитет восстания, уже несколько дней собиравшийся во дворце Епископства под руководством «бешеных», увлек за собой Коммуну. Секции вооружились и захватили артиллерию. Они пошли бы, вероятно, против Конвента, если бы не взяли верх другие советы - советы людей, старавшиеся предотвратить панику и взаимное избиение революционных элементов.

3 апреля получилось окончательное подтверждение измены Дюмуре: комиссаров, присланных к нему Конвентом, он велел арестовать. К счастью, армия за ним не последовала. Декрет Конвента, ставивший изменника-генерала вне закона и повелевавший арестовать герцога Шартрского, дошел таки до войска, и ни генералу, ни герцогу Шартрскому не удалось увлечь за собой солдат. Дюмуре пришлось бежать за границу, как Лафайету, и сдаться под покровительство австрийцев.

На следующий день он и австрийцы вместе выпустили прокламацию, в которой герцог Кобургский возвещал французам, что идет вернуть Франции ее законного конституционного короля.

В самый разгар этого кризиса, когда неуверенность насчет того, какое положение займет армия Дюмуре, ставила на карту самое существование республики, три самых влиятельных члена Горы,

¹ «Каждый день, — писал один священник-роялист, не присягнувший конституции, Франсуа Шевалье, цитируемый Шассеном, — каждый день происходили кровавые экспедиции, от которых может только содрогнуться каждая честная душа и которые можно защищать, только рассуждая философски (они совершались по приказанию священников, во имя религии) ... Однако же дело дошло до того, что говорилось открыто, что для восстановления мира необходимо и существенно не оставить в живых ни одного патриота во Франции. Озлобление народа было таково, что достаточно было пойти к обедне у одного из „втершихся“ (священников, присягнувших конституции), чтобы быть арестованным и потому убитым палками или расстрелянным под предлогом, что тюрьмы переполнены, как оно делалось 2 сентября». В Машкуле, где было казнено 542 патриота, открыто проповедовалось избиение их жен. Шарет, один из вандейских предводителей, толкал на это слепо повиновавшихся ему фанатизированных крестьян.